

18+

Книга девятая
ИЗ СЕРИИ - ДЕТЕКТИВ ФАНБЕРИН

**Фандерин
и
Одесский катаклизм**

Оборвалов Игорь

Игорь Оборвалов

**Фанберин и Одесский
катаклизм. Книга 9**

«Издательские решения»

Оборвалов И.

Фанберин и Одесский катаклизм. Книга 9 / И. Оборвалов —
«Издательские решения»,

Сентябрь 1894 года. Одесса. Новое назначение Фанберина оборачивается ловушкой — «Новый Ковчег» готовит «катаклизм»: серию взрывов в центре города. Секретный док, подводная лодка с живыми «спящими», предательство среди своих. Помощь приходит от бывшего ученика Штауба и отчаянного репортёра. Взрывы гремят, город горит, но главная битва происходит под землёй — с механическим двойником Берга. Война продолжается. Берг жив.

Содержание

Книга 9: Фанберин и Одесский катаклизм	6
Часть первая. Южная Пальмира	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Фанберин и Одесский катаклизм

Книга 9

Игорь Оборвалов

© Игорь Оборвалов, 2026

ISBN 978-5-0071-0073-1 (т. 9)

ISBN 978-5-0070-9987-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 9: Фанберин и Одесский катаклизм

Часть первая. Южная Пальмира

Глава 1

Сентябрь 1894 года выдался в Севастополе на редкость спокойным. Не в смысле погоды — погода в Крыму всегда капризна, — а в смысле отсутствия преступлений. Ни одного исчезновения, ни одного трупа с металлическими штифтами, ни одной куклы с механическим смехом. «Новый Ковчег» словно провалился сквозь землю, растворился в тумане, ушёл в глубокое подполье.

Фёдор Иванович Фанберин сидел в своём кабинете в порту, пил утренний кофе и перечитывал приказ. Бумага была подписана лично военным губернатором Севастополя, и содержание её было неожиданным даже для человека, привыкшего к неожиданностям:

«Статскому советнику Фанберину Ф. И. В связи с неоднократными просьбами одесского градоначальника и положительной оценкой вашей деятельности в Крыму, надлежит вам в недельный срок отбыть к новому месту службы в город Одессу, с прикомандированием к канцелярии градоначальника и с сохранением прежнего содержания».

— Одесса, — сказал Фанберин вслух. — Опять меня ссылают.

— Не ссылают, а переводят, — поправила Анна Львовна, которая лепила бюст Чехова в соседней комнате. — Одесса — это не ссылка. Это Южная Пальмира. Культурный центр.

— Культурный центр с портовыми бандитами, контрабандистами и, возможно, остатками «Нового Ковчега», — ответил Фанберин. — Я не верю в совпадения. Меня переводят туда не случайно.

— Думаешь, «Новый Ковчег» имеет влияние и там? — спросила Анна Львовна, выходя с замызганными глиной руками.

— Уверен, — сказал Фанберин. — Их сети тянутся по всему Черноморскому побережью. Севастополь, Балаклава, Одесса — это узлы одной паутины. Мы разрушили два узла. Но остальные целы.

— И одесский градоначальник просил тебя именно потому, что знает об этом?

— Или потому, что под давлением, — ответил Фанберин. — Ему сказали сверху: «Возьмите Фанберина, пусть сидит тихо в канцелярии и не лезет не в свои дела». А я, естественно, полезен.

Анна Львовна усмехнулась.

— Ты неисправим, — сказала она. — Но я тебя люблю.

— Я знаю, — ответил Фанберин. — Поэтому и живу до сих пор.

Через три дня они выехали. Такаси, как всегда, занял место у окна, с коротким мечом на коленях. Кот Бальмонт сидел в корзине и выражал недовольство переездом — он любил Севастополь, любил ловить мышей в порту и вообще не жаловал дорогу.

— Не ворчи, — сказал ему Фанберин. — В Одессе мышей тоже много. Говорят, местные крупнее.

Кот чихнул.

Дорога заняла двое суток. Фанберин не спал — всё думал о «Новом Ковчеге», о Берге (который, возможно, выжил), о людях, которых они спасли с острова Змеиный. Их выхаживали в военном госпитале, и врачи говорили, что некоторые могут вернуться к нормальной жизни. Но не все. Металлические имплантаты, вживлённые Бергом, нельзя было удалить без риска для жизни. Эти люди навсегда останутся наполовину машинами.

— Господин, — сказал Такаси, когда поезд подъезжал к Одессе. — Вы знаете, что Одессу называют городом, в котором каждая вторая дверь ведёт в подполье?

— Знаю, — ответил Фанберин. — Поэтому здесь так легко прятаться. И так трудно искать.

Одесский вокзал встретил их шумом, суетой и характерным говором, в котором смешались русский, украинский, еврейский, греческий и турецкий языки. Фанберин вышел из вагона, огляделся. На перроне, среди толпы встречающих, стоял человек. Невысокий, худой, в чёрном сюртуке, с бакенбардами и пустыми, ничего не выражающими глазами.

— Господин Фанберин? — спросил человек, подходя.

— Да, — ответил Фанберин.

— Меня зовут Пётр Петрович Струков. Я помощник градоначальника по особым поручениям. Мне велено встретить вас и проводить в канцелярию.

— Спасибо, — сказал Фанберин. — А где градоначальник?

— Градоначальник заболел, — ответил Струков. — У него приступ подагры. Он просил извинить его и передать, что ждёт вас в пятницу, в одиннадцать утра.

Фанберин посмотрел на Струкова долгим взглядом. Что-то в этом человеке было не так. Не внешность, не голос — что-то другое, едва уловимое. Походка, может быть, слишком ровная. Или взгляд, слишком пустой.

— Такаси, — сказал Фанберин по-японски, чтобы Струков не понял. — Присмотритесь к этому человеку. Он мне не нравится.

— Хай, — ответил Такаси.

Канцелярия градоначальника находилась в центре Одессы, на Екатерининской улице, в старинном особняке с колоннами и лепниной. Струков провёл Фанберина в кабинет, который был ему выделен, — небольшой, с окном на Дерибасовскую, с письменным столом, сейфом и портретом императора на стене.

— Здесь вы будете работать, — сказал Струков. — Если понадобится что-то ещё — обращайтесь ко мне. Я всегда на месте.

— Где именно? — спросил Фанберин.

— В соседней комнате, — Струков указал на дверь. — Я — ваш связной с градоначальником. Все просьбы, отчёты, рапорты — через меня.

— Мне нужно будет встречаться с градоначальником лично?

— Когда он поправится, — ответил Струков. — А пока — через меня.

Фанберин кивнул, но про себя отметил: «через меня» — это значит «контролирую, фильтрую, ограничиваю». Струков явно был не просто помощником, а чем-то вроде надзирателя. Кто-то наверху не хотел, чтобы Фанберин имел прямой доступ к градоначальнику.

— Спасибо, — сказал он. — Я осмотрюсь. К вечеру подготовлю первый рапорт.

Струков поклонился и вышел.

— Такаси, — сказал Фанберин, когда дверь закрылась. — Следите за Струковым. Куда ходит, с кем встречается, чем дышит. Но осторожно. Если он связан с «Новым Ковчегом», он может быть опасен.

— Хай.

Анна Львовна сняла квартиру на Преображенской улице, в доходном доме с большими окнами и высокими потолками. Она быстро обустроилась — разложила вещи, поставила на стол фотографию Масы и глиняного медвежонка, который стал талисманом. Кот Бальмонт исследовал новую территорию с профессиональным интересом, обнюхал каждый угол и одобрил — мыши пахли вкусно.

— Тебе нравится? — спросила Анна Львовна Фанберина, когда он пришёл вечером.

— Нравится, — ответил он. — Но я не для удовольствия здесь. Я для работы.

— Какая работа? Градоначальник болен, помощник — подозрительный, дел нет. Сиди и получай жалованье.

— Дела будут, — сказал Фанберин. — Чувствую.

Он подошёл к окну, посмотрел на вечернюю Одессу. Город сверкал огнями — рестораны, театры, гостиницы. Но под этой яркой поверхностью, как под тонким льдом, таилась чёрная, холодная вода.

— «Новый Ковчег» здесь, — сказал он. — Я знаю. Они не могли уйти окончательно. У них остались лаборатории, склады, люди. Надо искать.

— Ты не можешь искать один, — сказала Анна Львовна. — У тебя нет ни помощников, ни полномочий.

— Есть Такаси. И, возможно, местные журналисты. В Одессе много газет. Кто-то из них будет рад помочь в расследовании.

— А если не будут?

— Тогда буду действовать через полицию, — сказал Фанберин. — Хотя полиция, возможно, тоже куплена.

Он закурил папиросу. Старые, добрые «Жуков» — их ещё выписывал из Петербурга. Без них работа не клеилась.

— Завтра пойду в полицейское управление, — сказал он. — Познакомлюсь с местными сыщиками. Может быть, среди них есть честные.

— А если нет?

— Тогда буду один, — ответил Фанберин. — Как всегда.

Глава 2

Одесское полицейское управление располагалось на улице Ланжероновской, в здании, которое местные остряки называли «Весёлый дом» — не потому, что там было весело, а потому, что оттуда редко выходили трезвыми. Фанберин пришёл туда в девять утра, надеясь застать начальника сыскной полиции на рабочем месте.

Начальника он застал. Тот сидел в своём кабинете, в расстёгнутом мундире, с красным носом и помятым лицом, и допивал остатки чая из стакана с подозрительным осадком.

— Статский советник Фанберин, — представился Фанберин. — Прикомандирован к канцелярии градоначальника по особым поручениям.

— А, Фанберин, — протянул начальник, не вставая. — Слышал, слышал. Присаживайтесь. Чего изволите? Водки? Чаю? Коньяку?

— Чаю, — ответил Фанберин, садясь. — И желательно без добавок.

Начальник криво усмехнулся.

— Брезгуете? — спросил он. — Ну-ну. У нас в Одессе все пьют с добавками. Иначе выжить нельзя.

— Почему?

— Потому что видите то, чего лучше не видеть, — начальник отставил стакан. — Меня зовут Иван Иванович Чубуков. Я здесь уже двадцать лет. Видел и убийства, и грабежи, и контрабанду. И всё это, — он махнул рукой в сторону окна, — спускалось на тормозах. Кому надо — тот наказан, кому не надо — тот награждён. Справедливости нет.

— Есть, — сказал Фанберин. — Мы её делаем.

Чубуков усмехнулся:

— Вы — наивный, господин советник. Вас сюда прислали, чтобы держать подальше от столицы. Вы это знаете. И я знаю. Но вы всё равно будете лезть в пасть зверю. Потому что не можете иначе.

— Угадали, — ответил Фанберин. — Поэтому я здесь и прошу у вас информацию о странных исчезновениях в Одессе за последние полгода.

Чубуков задумался.

— Исчезновения? — переспросил он. — Было несколько. Доктор пропал, богатый. Два профессора из университета. И один инженер-кораблестроитель, местная знаменитость. Полиция заявляла, что они уехали за границу. Семействам выплатили страховку. Дело закрыто.

— Кто закрыл?

— Градоначальник лично, — ответил Чубуков. — Сказал: «Не позорьте город, вы, мол, и так преступники, а тут ещё и профессора». Вот так.

— А вы проверяли — уехали ли они на самом деле?

— Нет, — Чубуков развел руками. — Мне не платили за проверку. Я начальник сыскной полиции, а не частный детектив.

— А я частный детектив, — сказал Фанберин. — И я проверю.

Он встал.

— Дайте мне их имена и адреса.

Чубуков полез в стол, достал папку, протянул.

— Читайте, — сказал он. — Но потом забудьте. Если вы начнёте копать, а вы начнёте — у вас будут проблемы.

— У меня всегда проблемы, — ответил Фанберин. — Я к ним привык.

В папке было три дела.

Дело №1: пропал доктор медицины Лев Соломонович Гуревич, 56 лет, известный хирург, автор трудов по трансплантации органов. Исчез 12 марта 1894 года, выйдя из своей квартиры на Ришельевской улице. Тело не найдено. Свидетелей нет.

Дело №2: пропал профессор физики Михаил Михайлович Вернадский, 48 лет, специалист по электричеству. Исчез из лаборатории Императорского Новороссийского университета 15 апреля. В лаборатории найден открытый сейф, пустой ящик из-под заграничного оборудования.

Дело №3: пропал инженер-кораблестроитель Николай Петрович Крылов, 60 лет, почётный гражданин Одессы. Исчез 21 мая, по пути на заседание городской думы. Экипаж найден брошенным на Молдаванке, лошади уведены неизвестными.

— Трое учёных, — сказал Фанберин вслух. — Экспертов в своих областях. Все пропали в течение трёх месяцев. Все — кто мог пригодиться «Новому Ковчегу» для их экспериментов.

— Думаете, они их похитили? — спросил Такаси.

— Уверен, — ответил Фанберин. — Врач, физик, кораблестроитель. Команда для создания подводной лаборатории — или подводного транспортного средства для перевозки жертв.

Он сложил папку в портфель и вышел из кабинета Чубукова. В коридоре его встретил Струков — с пустыми глазами и подозрительно ровной улыбкой.

— Господин Фанберин, — сказал он. — Я слышал, вы уже взялись за расследование исчезновений. Градоначальник просил передать, что эти дела закрыты за отсутствием состава преступления и возобновлению не подлежат.

— Передайте градоначальнику, — ответил Фанберин, — что я, как прикомандированный к его канцелярии по особым поручениям, имею право проверять любые дела по своему усмотрению. И я проверю.

Струков улыбнулся — улыбка не дрогнула.

— Как вам угодно, — сказал он. — Но предупреждаю: если вы вскроете то, что не следует вскрывать, вы можете пожалеть.

— Я жалею только о том, чего не сделал, — ответил Фанберин и зашагал к выходу.

Глава 3

Квартира доктора Гуревича на Ришельевской улице была опечатана. Фанберин сломал печать (у него были на то полномочия), вошёл внутрь. Пахло пылью, старой бумагой и медицинским спиртом.

— Такаси, осмотрите комнаты, — сказал он. — Ищите тайники, потайные ниши, всё, что могло остаться незамеченным.

Такаси бесшумно скользнул в соседнюю комнату. Фанберин остался в кабинете.

Кабинет был большим, с книжными шкафами от пола до потолка. На столах — стопки бумаг, журналы, письма. Фанберин начал перебирать. В основном — медицинские записи, истории болезней, рецепты. Ничего криминального.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.